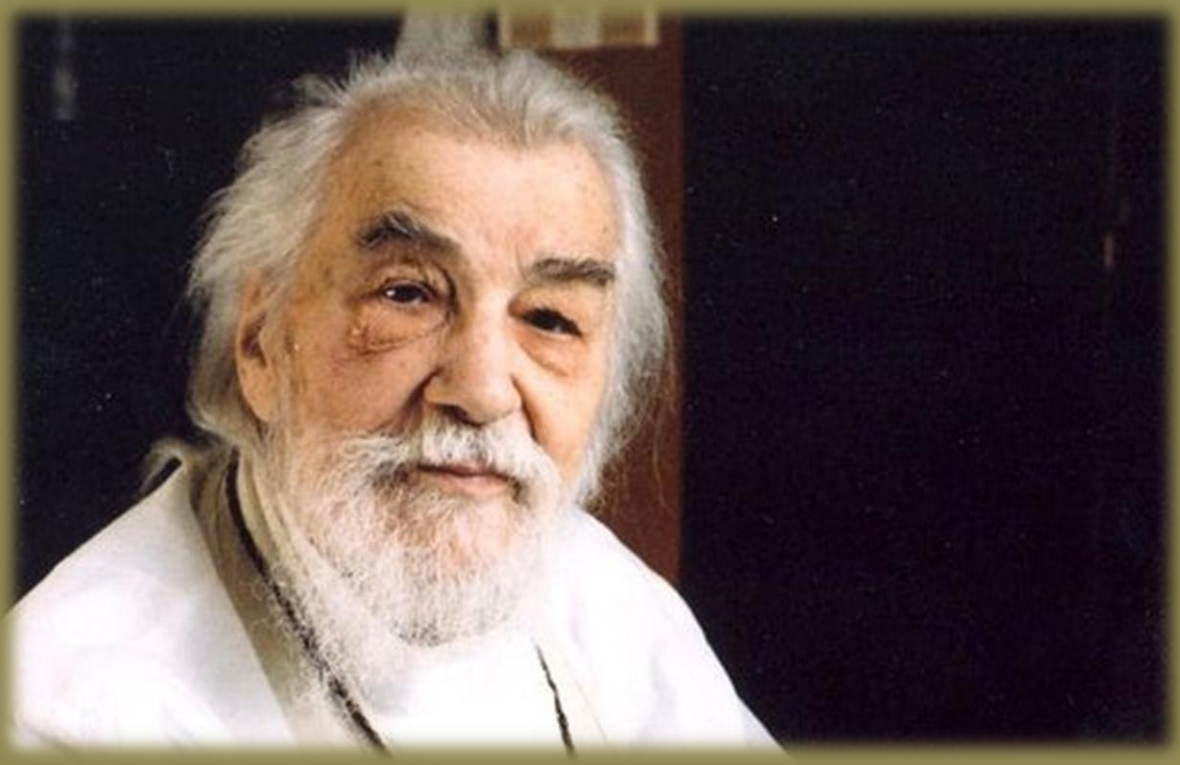
«Не забывайте, чадца Божии: бессильно зло, мы вечны, с нами Бог»

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

5 февраля 2006 года в Псково-Печерском монастыре, насельником которого он был около 40 лет, отошел ко Господу архимандрит Иоанн Крестьянкин. Сегодня мы вспоминаем об этом удивительном человеке.



Среди известных священников XX века отец Иоанн Крестьянкин занимает особое место. Он оставил по себе настолько светлый след, что тысячам людей в России и теперь, когда его нет на земле, одного воспоминания об этом удивительно ясном человеке, одного взгляда на его фотографию, коротенького от-

рывка из его проповеди или письма, бывает достаточно для того, чтобы найти в себе силы двигаться дальше. Ему была присуща та особая доброта и особый жизненный оптимизм, которые рождает пережитое страдание за исповедание веры, за преданность Церкви и близость Христу.

«Скорый поезд со всеми остановками»

На протяжении многих лет со всей России в Псково-Печерский монастырь съезжались люди самые разные: священники и известные писатели, ученые и студенты. Двери кельи отца Иоанна были открыты для всех, кто искал духовного совета, находился только в начале жизненного пути или, напротив, прожил мучительную, напряженную жизнь и попадал к старцу в крайне запутанных и сложных обстоятельствах.

Он не отвергал никого. Часто можно было наблюдать такую картину: идет отец Иоанн куда-то поспешно, но на пути у него — множество людей: вопросы, просьбы, недоумения, а он останавливается у каждого, всех выслушивает, вникает в детали, и вот так, благодаря первым встречам, многие находили своего духовного отца.

В Печерах отца Иоанна шутливо называли «скорый поезд со всеми остановками». Любовь его к людям порой была даже не отеческой, а материнской. Именно так, «по-матерински», еще в XIX веке заповедовал своим ученикам любить духовных чад оптинской старец отец Варсонофий.

Истинная любовь взыскательна: мало кто мог быть настолько ласковым с отчаявшимся людьми, как отец Иоанн, и одновременно — таким требовательным в отношении исполнения евангельских заповедей. Видя слабость человеческой природы, склонность людей к лукавству, оправданию сомнительных по-

ступков, он мог одним словом разом положить предел фарисейскому толкованию Евангелия, обличить лицемерие, нелицеприятно обнаружив всю неприглядность притаившегося в сложном мудровании греха.

И эту-то особенную требовательность к себе — постоянную проверку себя — «в вере ли ты?» — он сумел привить своим ученикам. Многие из знавших его свидетельствуют: отец Иоанн был одним из самых мудрых и трезвенных духовников нашего времени.

«Всегда радуйтесь…»

Присущее ему чувство духовной радости и ясности отец Иоанн сумел передать и своим духовным детям. Среди его учеников были те, кто «пламенели» той же искренностью, и, постоянно пребывая в состоянии духовной собранности, отчета перед своей совестью и перед Богом, физически не могли вынести лжи, которой была насквозь пропитана жизнь 70-х – 80-х годов.

Отец Рафаил (Огородников), «вырвавшийся» в Печеры из Москвы и выбравший усеянный терниями путь монаха и будущий оптинский новомученик отец Василий (Росляков), оба отказались от блестящей карьеры в тех условиях, когда это не оставляло возможности «соблюсти веру». Это лишь двое из «джинсового поколения» конца 70-х – начала 80-х гг., кто рядом со старцем обрели опору и научились крепко стоять в вере до конца, если потребуется, даже до смерти.

Скольких людей в те годы «приобрел» отец Иоанн для церкви! — Крепко пивший талантливый писатель и запутавшаяся в личных отношениях известная актриса, директор крупного столичного магазина и только пришедший к вере молодой человек, будущий наместник старинного московского монастыря, — все они были обязаны отцу Иоанну пробуждением для духовной жизни.

Те, кому довелось хоть раз побывать у батюшки, вспоминают, прежде всего, его ласку, ту очаровательную простоту, с которой он благословлял всем какой-нибудь маленький подарок — икону или пасхальный куличик, духовные книги или вкусные шоколадные конфеты, и еще — его детское незлобие и улыбчивость. Он благодушествовал всегда, и, казалось, просто не помнил обид, а ведь ему пришлось вынести многое…

Пастырь времен «оттепели»

Родившийся 11 апреля 1910 г. в городе Орле, отец Иоанн был восьмым ребенком в семье. Семья была верующая, в церковь его водили с самого рождения. Самые яркие впечатления детства были связаны с храмом.

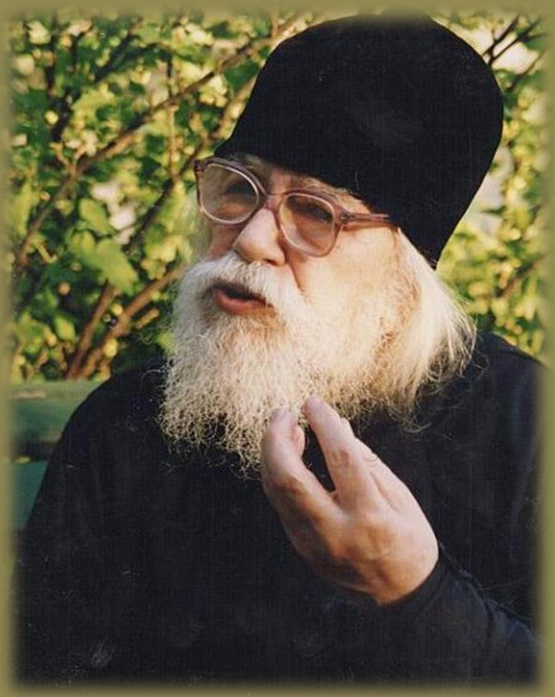
Первым его «служением» стало служение иподиакона. А в 12 лет мальчик впервые высказал сокровенную мечту — стать монахом. И тогда будущий новомученик, Елецкий епископ Николай (Никольский), положив руку на голову ребенка, напутствовал его: сначала окончить школу, поработать, затем приять сан и послужить, и только потом, со временем, стать монахом.

Выпавшие на долю Церкви в начале века испытания, отозвавшиеся и в Орле закрытием храмов, непривычной тишиной в праздничные дни, когда молчали колокола, напряженным ожиданием грядущих бед и показательными процессами над священниками и епископами Серафимом (Остроумовым) и Николаем (Николь-

ским), только укрепило желание Ивана послужить Господу тогда, когда Церковь теряет лучших.

Мечта исполнилась. 14 января 1945 года в Воскресенском храме на Ваганьковом кладбище Митрополит Николай (Ярушевич), один из четырех архиереев Русской Православной Церкви, оставшихся в живых после гонений, посвятил его в сан диакона. На праздник Иерусалимской иконы Божией Матери 25 октября того же года Патриархом Алексием I диакон Иоанн был рукоположен в священника в Измайловском Христорождественском храме в Москве, где и остался служить.

Затем наступили 50-е… Давление на церковь со стороны системы стало в те годы более изощренным, замаскированным, а исповедничество требовало не меньшего мужества, чем во времена массовых репрессий. Отец Иоанн был одним из сотен священников, «обреченных» на испытания уже в силу своего характера — прямодушного, живого, нравственных качеств, знаний, нестерпимых для режима.



… Это случилось в 1950-м. Приближалось время окончания духовной Академии, была написана и кандидатская работа о преподобном Серафиме Саровском, но защитить ее отец Иоанн не успел, не дали. В ночь с 29 на 30 апреля, как обыкновенно это происходило в те времена, в его комнате в Большом Козихинском был устроен обыск. Два месяца на Лубянке: нелепые обвинения, жестокость следователя, лжесвидетельства…

Затем — камера-одиночка в Лефортовской тюрьме, заключение в Бутырской — в камере с уголовными преступниками и семь лет исправительно-трудовых лагерей…Архангельская область, знаменитый разъезд Черная Речка. А там – барак, непосильный труд на лесоповале, и особое «распределение» — «санитарная обработка», т.е. многочасовое пропаривание одежды заключенных в особой камере при очень высокой температуре.

Но что помнилось ему об этом времени? — Молитва, под самым потолком на третьем ярусе нар, тайные воскресные службы в заброшенном недостроенном бараке, радость в моменты, когда уважение к священнику нежданно-негаданно просыпалось в душах главарей лагерной шпаны…

В 1955 году, по досрочном возвращении из лагеря, он был назначен в Псковскую епархию, затем — Рязанскую. 10 июня в 1966 года в Сухуми отец Иоанн принял монашество. Постриг над ним совершал глинский старец схиархимандрит Серафим (Романцов).

5 марта в 1967 году иеромонах Иоанн поступил в Псков-Печерский монастырь, в 1970 году был возведен в сан игумена, а 7 апреля 1973 года в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы — в сан архимандрита. Почти сорок лет отец Иоанн оставался насельником Псково-Печерского монастыря.

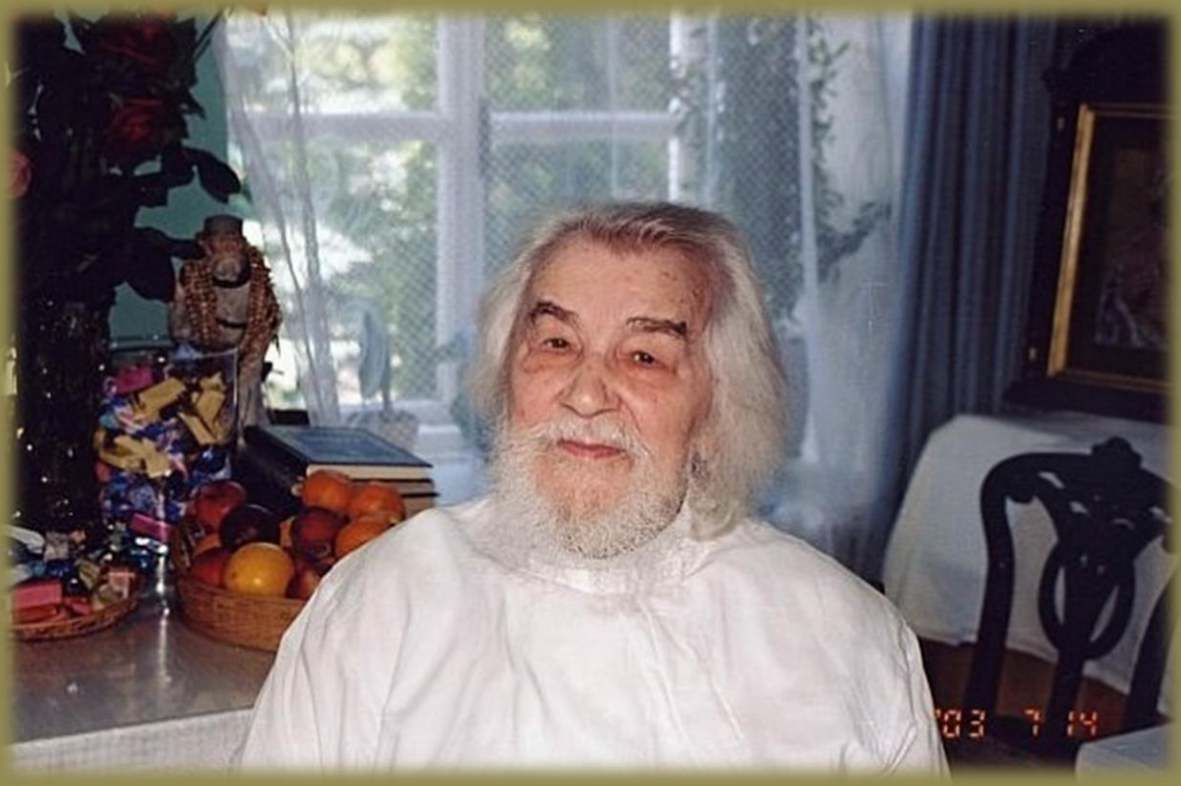
В 70-е – 80- ее годы, когда органы государственной безопасности стремились установить контроль над жизнью людей, отцу Иоанну вновь пришлось пить от Чаши страданий. Теперь он разделял бескровное мученичество со своими воспитанниками, державшими «оборону» от мира.

Господь наградил его многими духовными дарованиями, и наиболее явным для окружающих был дар прозорливости. Отец Иоанн предвидел события в жизни близких людей, часто указывая на возможные опасности и, обычно приучая людей к личной ответственности, в некоторых исключительных случаях, все же, требовал неукоснительного исполнения своих благословений.

Со временем люди, отказавшиеся от послушания своему духовнику, имели возможность убедиться в том, что отец Иоанн имеет основания для такой требовательности: он не говорил от себя. И при этом батюшка сохранял необыкновенную скромность, отзываясь о себе так: «Ну, какой я старец? Вот видели бы вы настоящих старцев!»

Тысячи людей в России помнят об отце Иоанне как о священнике, согревавшем всех и помогавшем прорваться к свету через потемки времен «застоя». Как напутствие всем нам звучат его слова о пути спасения в современном мире:

«Время, в которое привел нам жить Господь, — наисмутнейшее, смущение, смятение и неразбериха колеблют непоколебимое, но это еще не конец. Впереди еще более сложные времена. Бездумно ныне жить нельзя. И не забывайте, чадца Божии, бессильно зло, мы вечны, с нами Бог. У Бога нет забытых людей, и Промысл Божий зрит всех. Миром правит Бог, только Бог и никто другой».



Особенным был и его уход из мира. Обычно так уходят к Богу праведники: казалось, что он блаженно и тихо уснул, сразу после причастия в день, когда Русская Православная Церковь чтит память Исповедников и новомучеников российских… Это был и его день.